

А.К. Кириллов *

Alexey Kirillov *

Больше, чем период: о самой короткой эпохе в истории России**More Than a Period: About the Shortest Epoch in the Russian History**

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-1

УДК 94(47).08

Выходные данные для цитирования:

Кириллов А.К. Больше, чем период: о самой короткой эпохе в истории России // Исторический курьер. 2018. № 2. Статья 1. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-01.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-1

How to cite:

Kirillov Alexey K. More than a period: about the shortest epoch in the Russian history // Historical courier, 2018, # 2. Article 1. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-01.pdf>

Abstract: Remarks of the editor of the journal's 2nd issue concern its theme: "Capitalist Russia: from the Great reforms to the Great revolution". Touching upon the term "Capitalist Russia" (for many historians related to ideological clichés of the Soviet time) the author explains that it is used in this case not as a characteristic of the epoch but as its name free of ideology and not restricted to social and economic relations. Thus the term "Capitalist Russia" is proposed as an alternative to the expression "Russia of the second half of the 19th – beginning of the 20th century". Stressing high potential of the Capitalist Russia as an object for historical studies the author draws special attention to the history of the pre-revolutionary Siberia. Siberia in his understanding is not a kind of outskirts lagging behind the European Russia but an example of a region offering new perspectives in understanding the All-Russian phenomena.

Keywords: Russia of the second half of the 19th – beginning of the 20th century; post-reform Russia; pre-revolutionary Russia; late imperial Russia.

The article has been received by the editor on 17.11.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: Краткое слово выпускающего редактора 2-го номера журнала посвящено теме выпуска – «Россия капиталистическая: от Великих реформ до Великой революции». Касаясь понятия «капиталистическая Россия», для многих связанного с идеологическими клише советского времени, автор объясняет, что оно в данном случае оно используется не в качестве характеристики, но в качестве названия эпохи, не зависящего от идеологии и не ограниченного социально-экономическими отношениями. Понятие «Россия капиталистическая», таким образом, предлагается в качестве замены выражению «Россия второй половины XIX – начала XX века». Подчеркивая потенциал капиталистической России как предмета исторических исследований, автор обращает особое внимание на историю дореволюционной Сибири. В его понимании Сибирь выступает не отстающей окраиной Европейской России, но источником примеров, дающих новые возможности для понимания общероссийских явлений.

Ключевые слова: Россия второй половины XIX – начала XX века; пореформенная Россия; дореволюционная Россия; Россия позднеимперского периода.

---

* Кириллов Алексей Константинович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского государственного университета (Россия), e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Kirillov Alexey Konstantinovich, senior researcher at the History institute of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences, associate professor at the Novosibirsk state university (Russia), e-mail: alkir.nsk@gmail.com

<...> Еще ночь под ружьем,
И заря не взялась за винтовку.
И, однако,
Вглядимся:
На деле гораздо светлей.
Этот мрак под ружьем
Погружен
В полусон
Забастовкой.
Эта ночь –
Наше детство
И молодость учителей.

Ей предшествует вечер
Крушений,
Кружков и героев,
Динамитчиков,
Дагерротипов,
Горенья души.
Ездят тройки по трактам,
Но, фабрик по трактам настроив,
Подымаются Саввы
И зреют Викулы в глуши.

Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугулки.
Гром позорных телег –
Громыхание первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россиєю после реформ. <...>

Борис Пастернак. Девятьсот пятый год

Эпоха прорыва.

Свободная Россия, уже сбросившая крепостное ярмо и ещё не подпоясанная тугим советским поясом – это всего шесть десятилетий и целая эпоха в истории страны.

«Крепостная Россия выходит с короткой приструнки на пустырь и зовется Россиєю после реформ» – так описывал зарю этой эпохи Борис Пастернак, мастер метафоры. В этой фразе – явное противопоставление. Скованная Россия крепостной эпохи – и свобода, простор для развития. Но вместо «простора» Пастернак ставит «пустырь» – эпитет на удивление нелестный для того романтического образа, который он стремится создать. Всё дело в том, что «пустырь» – это описание не самой пореформенной России, а той исходной точки на закате николаевской эпохи, с которой начиналось развитие. Это сравнение того, с чего начинали молодые люди освобождённой России, с тем, что видели наяву их внуки.

Пастернак писал это в 1927 году, когда не было нужды превозносить старую Россию. Скорее, наоборот: в речах, в декретах, в праздниках уже обозначилось разделение всей российской истории по «Великому Октябрю»: на мрачное «до» и светлое «после». Но стремительный рывок освобождённой от крепостного права России – явление слишком несомненное для очевидцев-современников. Прогресс в ежедневно осязаемых технологиях, достигнутый на протяжении одной человеческой жизни, был колоссальным и поразительным.

Повседневность России полуторавековой давности – где суровая, а где и жестокая – не такова, чтобы мечтать о её возвращении. Да и история – это ведь не поиск «старого доброго» времени, в которое надо убежать от современности; это поиск в прошлом намёков, как менять будущее в настоящем. История дореволюционной России даёт шанс подумать над вопросом о двигателе эпохи. Отодвинув как частность споры о скорости движения, подумать о том, за счёт чего оно происходило.

Лик эпохи.

Известно, что история – наука общественная: единица исторического изучения – человеческое общество. Но ведь общество – не вечное явление. Название страны сохраняется, а общество меняется до неузнаваемости. Где начинается и где кончается та единица, на которую обращено наше внимание?

Выдающуюся роль в постсоветской историографии сыграли работы Б.Н. Миронова. Период от Петра до Революции он рассматривает как эпоху модернизации¹. «Большое видится на расстоянии»; объединение этих двух с лишним столетий имеет свою сильную

¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 621.

сторону, помогая осознать второстепенность политики по сравнению с глубинными явлениями народной жизни.

Но даже с этой точки зрения, поднимающей нас выше реформ и контрреформ, выше «закручивания» и «откручивания гаек», есть то, что существенно отличает время, начинаемое Оттепелью 1855 года (из которой вырастают реформы Александра II) и завершаемое Великой российской революцией – отличает от более раннего и более позднего этапов. Это – самостоятельность людей, самостоятельность общества. Она включает и свободу (уже свободу – от крепостного права, ещё свободу – от всепроникающего государства). И ответственность: не палка гонит крестьянина в поле, а сознание того, что иначе семья его обречена на голодную смерть. Сказанное похоже на похвалу капиталистической России. Но свобода – не синоним справедливости, и это не стремление дать картинку в розовых тонах. Это призыв обратить внимание на сущность той эпохи, которая среди всех веков российской истории стоит отдельно, как целая человеческая жизнь, от рожденья до могилы. И которая даёт веские основания для размышлений на злобу дня.

Имя для эпохи.

Сама по себе идея рассматривать обособленно эпоху последних трёх императоров усвоена целыми поколениями историков, российских и зарубежных. В университетских курсах, в диссертациях и монографиях давно устоялось и название для неё. На жаргоне профессиональных историков это время называется «вторая половина девятнадцатого – начало двадцатого века».

Сам по себе профессиональный жаргон имеет право на жизнь, и пусть компас у моряков всегда остаётся компасом. Но дело в том, что даже историкам это мутное выражение из шести слов и одного тире не нужно. Используя длинный эвфемизм, историки, вопреки его мнимому хронологическому объективизму, вовсе не имеют в виду указанный отрезок времени. Никакой выпускник истфака, слыша по «вторую половину», не подумает про 1851-й год; никто не усомнится, где кончается «начало» XX века. Цифры 1861–1917 (варианты: 1855, 1914) являются пред мысленным взором несомненно. Потому что речь – не о шести десятилетиях, а о целостном и законченном явлении из жизни страны. Об эпохе, которая качественно отличается и от предыдущей, и от последующей (тоже уже законченной) эпохи. Они все уже завершились, их можно и нужно сравнивать во всей их целостности.

Каким же словом назвать это? «Пореформенная Россия» – сказано хорошо, и давно используется, но обычно не применяется ко времени после революции 1905 года. И нет пока такого понятия, одновременно и точного, и всеобъемлющего, и бесспорного, которое охватило бы весь период. И остаётся лишь то слово, которое было достаточно тривиальным для людей «в век буржуазного богатства (растущего незримо зла!)» (А. Блок).

Создание в социальных сетях группы «Капиталистическая Россия» немедленно вызвало реплику равнодушного читателя: как, неужели извлекаем из нафталина казённый «марксизм-ленинизм»? Слишком долго «капитализм» был частью обязательной «пятичленки» и символом «руководящей и направляющей роли КПСС». Теперь этот дракон мёртв и не кусается. Споры между «формационщиками» и «цивилизационщиками» отшумели в 1990-е годы. Капиталистическая Россия теперь – понятие, свободное от идеологии. Это не про «социально-экономические отношения». Это про жизнь во всей её сложности и многообразии.

Бывшая страна каторги и ссылки.

Дореволюционная Сибирь – падчерица российской исторической науки. История России пишется на материале европейской части страны. Исключение Сибири из России настолько очевидно для столичных историков, что даже не оговаривается. И сами сибиряки долгое время искали «сибирскую специфику», чтобы оправдать отдельное изучение общероссийской тематики на сибирском материале (но выводами не выходить за рамки своей «резервации»).

Между тем, Сибирь – именно за счёт своих особенностей – позволяет лучше понять историю всей России. Россия XIX века преобразилась «по государеву указу» – на основе «Великих реформ» Александра II. Сибирь XIX века – независимо от указов, в эпоху Транссиба и Великого сибирского переселения. Из страны каторги и ссылки она превратилась в мирового экспортёра хлеба (Челябинский тарифный перелом) и масла (Союз сибирских маслодельных артелей), в страну передового сельского хозяйства (Западносибирская сельскохозяйственная выставка 1911 года), в страну стремительно растущих городов (Новониколаевск, нынешний Новосибирск), в район, привлекательный для крупного российского и зарубежного капитала («Копикуз»).

Всё это произошло независимо от повелений и понуканий, за счёт создания транспортной инфраструктуры. В Европейской России влияние железных дорог, сеть которых возникла практически на пустом месте в 1860-е – 1870-е годы, неотделимо от влияния крестьянской и других реформ, и потому не может быть измерено, и до сих пор не оценено по достоинству. В Сибири же мы имеем его в чистом виде и можем изучать те вопросы, которые привели Р. Фогеля к нобелевской премии¹ (приходя при этом к ответам, скорее, противоположным).

Сибирские железные дороги и сами по себе – важное явление, характеризующее целый этап в жизни этой отрасли. Известная монография А.М. Соловьёвой² показывает логику развития железнодорожной сети России от частного учредительства через его кризис к огосударствлению в 1880-е и 1890-е годы – но на этом заканчивается. А для Сибири построенный казной Транссиб – лишь первая стадия возникновения железнодорожной сети. За ней следует стадия частных акционерных обществ, в 1910-е годы начавших дополнять «позвоночник» Транссиба поперечными (с севера на юг) «рёбрами». И это – больше, чем «региональная специфика», это возврат к развитию огосударствлённой было отрасли за счёт частной инициативы.

Передовое производство начала XX века вяжется обычно с заводами, фабриками, монополиями – и с этим не поспоришь. А вот К.Н. Тарновский в одной из своих написанных в стол книг³ показал между прочим, как в тени крупного и успешного фабричного производства не менее успешно цветут мелкие (но не отсталые!) мастерские и артели. Но примеры передового мелкого производства находил не без труда. Отказавшись от рассмотрения Сибири, он потерял в качестве примера целую отрасль (маслодельческую).

Маслодельная кооперация развивалась в Сибири на основе единоличных крестьянских хозяйств, отнюдь не ограничивавших себя скотоводством. И не случайно в Омске действовал завод Рандрупа, производивший плуги и прочую сельскохозяйственную технику. Ускоренное крестьянское освоение Западной Сибири вяжется обычно со «Столыпинским переселением» – и это справедливо. Но ещё до П.А. Столыпина была создана использованная им система государственной поддержки переселенцев, до Столыпина стало массовым и само явление. На этапе пореформенных десятилетий Великое сибирское переселение остаётся недостаточно известным. А ведь его изучение в контексте современного ему Трансатлантического переселения из Европы в США (в десятки раз более масштабного, если брать долю уехавших) даёт пищу для размышления не только о сибирских успехах, но и о российской жизни.

Сибирское сельское хозяйство даёт и другой поразительный пример: крупное высокотехнологичное производство. Ведущие западносибирские хозяйства – это площадь двух-трёх колхозов, это трактора за 20 лет до коллективизации, это переезд через всю страну производителей, которым стало тесно даже на тысячах десятин в Европейской России. Это сливки, как будто, тех самых латифундистов, про которых говорит учебник – только здесь,

---

¹ Fogel, Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. xv + 296 pp.

² Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975. 316 с.

³ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 269 с.

где никогда не было дворянского землевладения, к этим латифундиям (действующим к тому же на арендованной земле) никак не применить укоризненную кличку «помещичьи».

Стремительный рост Новониколаевска, вопреки убогому официальному статусу (посёлок, как максимум – безуездный город), есть предмет гордости новосибирских краеведов, и это справедливо. Однако Новониколаевск – это и звезда первой величины в созвездии новых российских городов, выросших не по указу. Это один из признаков тех коренных перемен в толще народной жизни, которые так трудно отделить от других «тектонических процессов» этого же времени, и которые совершенно невозможно проигнорировать, пытаясь взглянуть в лицо эпохи.

Удивительна история П.И. Макушина. Он хорошо известен историкам. Его любят как первейшего сибирского просветителя. Создатель специализированного книжного магазина, затем и владелец собственной типографии, издатель книг и периодики – получается что-то вроде сибирской версии И.Д. Сытина. Но Макушин не только повторяет чужой путь. Он – изобретатель технологии коммерчески выгодного просветительства. Без него не возникли бы в это время и в этом месте сотни сельских библиотек – но их открытие он умел сочетать с коммерческими интересами издателя. Макушин делом доказал: просвещение в новый век не вынуждено ограничиваться ни жертвами меценатов-благотворителей, ни выпрашиванием казённых субсидий; оно может быть делом, стоящим на своих ногах.

Капиталистическая Россия долго изучалась историками. И всё-таки это обширное поле для новых фактов, новых мыслей, новых открытий.

Литература

Мионов Б.Н. Благосостояние населения и революции в России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.

Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975. 316 с.

Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 269 с.

Fogel, Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. xv + 296 pp.

References

Fogel, Robert W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. xv + 296 pp.

Mironov, B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v Rossii: XVIII – nachalo XX veka [People's well-being and revolutions in Russia: 18th – beginning of the 20th century]. M.: Novyj hronograf, 2010. 911 pp.

Solov'yova, A.M. Zheleznodorozhnyj transport Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Railway transport at Russia in the second half of the 19th century]. M.: Nauka, 1975. 316 pp.

Tarnovskij, K.N. Melkaya promyshlennost' Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Small enterprises at Russia in the end of the 19th – beginning of the 20th century] M.: Nauka, 1995. 269 pp.

Статья поступила в редакцию 17.11.2018 г.